

А. И. УТКИН

**Неизвестный Черчилль.
«Я легко довольствуюсь самым лучшим»**

<Фрагмент>

Амбиция — вот главная сила.

У. Черчилль, 1897

Столетие между июньским днем Ватерлоо¹ и черным августом 1914 года² представляет собой век британского всемогущества, редкое в истории явление внешней мощи и внутреннего мира — несмотря на внутринациональную поляризацию богатства и бедности. В эти дни английского морского и колониального всевластия страной правила узкая каста джентльменов — три тысячи землевладельцев с доходом не менее трех тысяч фунтов стерлингов в год. В то время, когда доход двадцати миллионов англичан был ниже 160 фунтов в год, сорок пять землевладельцев владели участками земли величиной более 100 тысяч акров каждый, пятнадцать аристократов имели доход 100 тысяч фунтов стерлингов в год.

Богатство в тот век не пряталось и не прибегало к ложной скромности. Не выделяться в обществе счастливым обладателям досуга и достатка было трудно даже внешне — скажем, в составе кабинета лорда Солсбери³ (1895 год) пятеро из шести ведущих министров были около двух метров ростом. Из девятнадцати членов кабинета семнадцать дожили до семидесяти лет, семеро пересекли восьмидесятилетнюю отметку, а двое отметили девятностолетие. И это в то время, когда средняя продолжительность жизни британца равнялась сорока четырем годам.

Аристократия Европы с завистью смотрела на островную элиту. Германские бароны стремились жениться на британских аристократах, во Франции весь бомонд собирался в «Жокей

клубе». Стиль и пристрастия англичан имитировались от моды до спорта. В Англии же наиболее популярным политическим «клубом» страны была палата общин, старейший в мире парламент. Менее одаренные (так полагал свет) шли в гвардию или в гусары, остальные отправлялись на флот или в церковную иерархию. Лишенные достатка аристократы имели выбор между юриспруденцией и журналистикой.

В палате общин 1865 года из 670 членов четыреста двадцать были свободными джентльменами, офицерами или юристами. Заработной платы законодатель, разумеется, не получал. На скамьях Вестминстера сидели представители самых знатных фамилий страны. Владельцев огромных замков хорошо знали: замок Бленхейм принадлежит герцогу Мальборо, замок Четворт — герцогу Девонширу, замок Уилтон — Эрду Пемброку, замок Уорвик — Эрлам Уорвикам, Кнол — Сэквилам, Хэтфилд — роду маркиза Солсбери.

Уинстон Черчилль по рождению принадлежал к этой аристократии, он появился на свет в тот исторический период, когда власть денег еще не преодолела силу родовой гордости. У его отца, лорда Рендольфа Черчилля, было от рождения и то и другое. Верно, что состояние семьи таяло, но потомок герцога Мальборо имел в своей стране недоступные другим возможности. На гербе семьи Черчиллей значилось: «Верный, но невезучий». Уинстону Черчиллю с самого рождения предстояло опровергнуть вторую часть девиза.

Его отец и мать сочетались браком в 1874 году в здании британского посольства в Париже (в том здании, где герцог Веллингтон жил после Ватерлоо, за шестьдесят лет до этого события). Тени двух величайших главнокомандующих британской истории — Мальборо и Веллингтона — стояли в начале пути величайшего британского политика военного времени.

День когда лорд и леди Рендольф прибыли в родовой дворец Бленхейм, был мрачным и дождливым. Жителям близлежащего городка Вудсток сообщили о прибытии четы лишь за день, но город успел вспыхнуть разноцветными флагами. Перед «Медвежьим отелем» мэр зачитал приветственный адрес с пожеланиями благополучия «благородному дому Черчиллей». Под звуки духового оркестра молодоженов внесли в один из величайших дворцов Европы.

Бленхейм был создан архитектором Ванбруком как монумент общенациональной благородности первому герцогу Мальборо — генерал-капитану, победителю при Бленхейме, Рамилле, Уденарде, Мальплакете, пересекшему посягательство французского короля Людовика Четырнадцатого⁴ на гегемонию в Европе.

Все отмечали «неудобства» огромного дворца для частной жизни (Вольтер, скажем, назвал это строение «грудой камней»).

В памяти Черчилля отложились такие впечатления от Бленхейма: «Это был итальянский дворец в английском парке. Дворец строг в своей симметричности и завершенности... и все же здесь нет насильственно навязанного контраста, нет неожиданной разделяющей линии между первозданностью и свежестью парка, с одной стороны, и помпезности архитектуры, с другой... В Бленхейме я принял два очень важных решения: родиться и жениться. Мне повезло в обоих случаях». Чтобы развеять скуку, леди Черчилль поехала кататься на пони, что подтолкнуло естественный процесс, и в понедельник 30 ноября 1874 года, на два месяца ранее ожидаемого срока, Уинстон Черчилль появился на свет.

Черчилль с гордостью писал: «Я дитя викторианской эпохи, когда структура нашей страны казалась надежной и крепкой, когда в торговле и на морях страна не встречала достойного соперничества, когда представления о величии империи и о нашем долге сохранить это величие росли с каждым днем». Но после пика 70-х годов экономический рост страны замедлился и к концу века опустился до уровня 2% в год, в то время как две страны — Соединенные Штаты Америки и Германия — догнали «чемпиона девятнадцатого века».

Соблазн объяснить становление характера Уинстона Черчилля обстоятельствами его одинокого детства, жесткостью школы, удаленностью родителей достаточно велик, но его, видимо, следует избежать. Отстраненность от непосредственного воспитания детей была характерной чертой викторианской Англии, но не следует рисовать в случае с Уинстоном картины злосчастных диккенсовских приютов. Он учился в частных школах, приготавливаемый родителями и обществом, чтобы занять высокое положение. Его порол в школе Сент-Джордж, как и других, но наказание следовало лишь за преступлением. А Уинстон, если судить по школьным отзывам, был «жаден

в еде», хорош лишь в истории и географии, склонен к шалостям любого рода. Леди Рендольф Черчилль, рожденная в Америке, но серьезно воспринявшая новые для нее британские нравы, манеры и обычаи, пошла по проторенной тропе тогдашнего воспитания детей аристократии — передоверении своих обязанностей няне. Няни в аристократических семьях (в семье Черчиллей ее звали миссис Элизабет Эверест) ухаживали за детьми с самого раннего возраста и оставались практически членами семьи до юношеского возраста детей. В своем единственном романе Уинстон Черчилль так описывает няню: «Она ухаживала за ним с самого рождения с самоотверженностью и лаской, не знавшими предела. Странная вещь — любовь этих женщин. Возможно, это единственная бескорыстная привязанность в этом мире. Мать любит свое дитя — такова ее материнская природа. Юноша любит возлюбленную — это тоже может быть объяснено. Собака любит хозяина — тот кормит ее; мужчина любит друга — он стоял рядом в момент сомнений. Во всех этих случаях есть рациональное объяснение; но любовь приемной матери к своей обязанности кажется абсолютно иррациональной. Это одно из немногих доказательств, сложно объяснимых ассоциативным мышлением, того, что природа человечности выше простого утилитаризма, и того, что можно надеяться на благоприятную судьбу».

Отец относился к Уинстону с традиционной для британской аристократии сознательной холодностью. Родственники рассказывают, что в семье Черчиллей вообще прохладно относились к детям. В Викторианскую эпоху полагалось, чтобы детей не было видно и, желательно, не было слышно. Самым наглядным примером отчуждения матери и сына было отношение королевы Виктории к принцу Эдуарду, будущему королю.

Даже первые впечатления Уинстона Черчилля связаны с судьбой империи — он жил в имении наместника Ирландии, своего деда. С пятилетнего возраста Черчилль воспринял мнение соседей-ирландцев, что сама жизнь, ее течение важнее формы. Аристократические забавы — охота и балы — тоже часть его детских воспоминаний. Воспитание и система образования закрепили генетический код героя нашего повествования. Ему с детства как бы вменялось в обязанность хранить исторические завоевания предков, крепить мощь Британии среди бурного моря «пришедшей в движение» истории.

В книге «Моя ранняя жизнь» Черчилль повествует о событиях, имевших место, когда ему было всего шесть лет. «В 1880 году нас вышвырнул из правительства мистер Гладстон⁵. Гладстон был очень опасным политиком, который начал возбуждать население, доводя его до состояния неистовства. В результате народ голосовал против консервантов и тем самым лишил моего деда места лорда-управителя Ирландии».

Первый учительский упрек в адрес восьмилетнего Уинстона — «противостояние авторитетам». Черчилль мог бы сделать эту скромную запись символом своей напряженной жизни, в которой было все, кроме почитания авторитетов. Редкие свидетельства его ранних лет говорят об одиноком по натуре мальчишке, упорном в отстаивании своей независимости, не связанном узами тесной привязанности к родителям, оставившим его на попечение воспитателей.

В школе Сент-Джордж условия учебы были спартанские: восемь часов уроков ежедневно, за ними следовала игра в футбол и крикет. Ребенка из аристократической семьи пороли, как и всякого другого. Уинстон преуспел в истории, но был совершенно глух к латинским глаголам. «Там, где дело не задевало мой ум, воображение или интерес, я не мог выучить ничего. Мои учителя считали меня одновременно и отсталым, и скороспелым, читающим книги и не по годам и в то же время карабкающимся где-то на дне. У них было много способов принуждения, но и я был упорным».

При этом в табеле Черчилля была запись: «Не совсем понимает значение упорной работы». Всей своей жизнью Черчилль опроверг это суждение. Уинстона однажды высекли за взятый сахар. Ответом потерпевшего было тайное уничтожение шляпы учителя. Но домой Уинстон Черчилль неизменно писал о том, как он счастлив в школе. Молодой джентльмен не имел права жаловаться.

1881 год был годом, когда родители Черчилля бросились в бой на высшей политической арене своей страны. Рендольф и Дженни Черчилль словно пришли к заключению, что от успеха в политике зависит все остальное — самоуважение, положение в обществе да и сама судьба их супружества. Обладая литературным талантом, Дженни помогала мужу писать речи, которые день ото дня становились все более яркими. Произошла метаморфоза: покорный заднескамеечник, повинующийся партийным решениям, вдруг стал уверенным в себе, агрессивным, пренебрегающим

опасностями. Дилетант неожиданно быстро вырос в национального политика первой величины. Теперь все признали его ум, убийственную иронию, силу суждения, способность обаяния.

Сэр Рендольф называл правительство Гладстона не иначе как «дети революции, грабители церквей, друзья беззакония». Но при всем этом британский парламент мало напоминал русский. Дженни вспоминает: «Я была в палате общин, присутствуя при яростной атаке Рендольфа на Гладстона, который отвечал с равным жаром и возмущением. Часом позже мы с Рендольфом спешили домой, чтобы подготовиться к обеду с лордом и леди Спенсер. Я натолкнулась на мистера Гладстона, который сразу же подошел ко мне и сказал: «Я надеюсь, что лорд Рендольф не слишком устал для предстоящего приема». Политических противников Гладстон приглашал к себе домой с равным великодушием, как и друзей. Все стремились быть джентльменами по Гладстону: обязательными в работе, анонимами в благотворительности, регулярными посетителями церкви по воскресеньям. И, имитируя Гладстона, хозяева приемов читали гостям Шекспира и Маколея.

Среди друзей Рендольфа Черчилля выделялся молодой Артур Бальфур, которому предстояло стать членом парламента в двадцать шесть лет (как и Рендольфу Черчиллю). Бальфура называли «лучшим умом своего поколения». Огромного роста, он едва помещался на парламентской скамье. В семье Черчиллей Артур Бальфур в четыре руки играл с Дженни Черчилль Бетховена и Шумана. Подлинный же, лучший ум своего поколения беззаботно сидел рядом.

Еще одним приятелем сэра Рендольфа стал Джордж Керзон, его однокашник по Оксфорду — также человек чрезвычайно высокого роста. Бытописатель своего времени — Марго Асквит назвала его «замечательной интеллигентной личностью в этом исключительном по достоинствам поколении». Другие же отмечали его высокомерие и тщеславие. Пройдет время, и Уинстон Черчилль будет жить в мире «декларации Бальфура»⁶ (о создании Палестины) и «линии Керзона»⁷ (границы между Россией и Польшей).

Возможно, наиболее талантливым из молодых противников Рендольфа Черчилля был Джозеф Чемберлен, который, начиная с нуля, стал к тридцати годам миллионером и покинул бизнес ради политики. Прославившись реформаторством на посту мэра Бирмингема, он вступил под своды Вестминстера в сорок лет.

Внешне улыбчивый, но обладающий хладнокровным и твердым характером, Джозеф Чемберлен имел и «тайное оружие» — сына Невилля Чемберлена, прямого предшественника премьера Уинстона Черчилля.

К десяти годам Уинстон стал жадным читателем всех попадавших под руку газет. Его интересует захват бельгийцами Конго, демонстрация рабочих в Чикаго, сооружение статуи Свободы на рейде Нью-Йорка, изобретение Даймлером автомобиля. И, разумеется, «Копи царя Соломона» привели его в восторг, усиленный последующей встречей с писателем Райдером Хаггардом. Он стоял в толпе, приветствующей королеву Викторию на золотом юбилее ее правления, а затем мать и принц Уэльский взяли его на королевскую яхту, где ему пришлось познакомиться с еще одним будущим королем — Георгом Пятым⁸.

Лорд Рендольф однажды зашел в детскую и долго наблюдал за игрой сына с огромным числом оловянных солдатиков. Он спросил сына, не желает ли тот поступить в армию. «Я думал, что было бы превосходно командовать в армии, и я сказал “да” сразу же. Меня тотчас же взяли на слово. В течение многих лет я думал, что мой отец, с его опытом даром распознавания, нашел во мне военного гения. Как позже мне сказали, он пришел к заключению, что я недостаточно умен для адвокатской деятельности».

Примерно в это время Уинстон впервые попал в дом простого английского служащего, который прочитал ему несколько абзацев «Истории Англии» Маколея, и эта проза вызвала у слушателя такое изумление, что он долго не мог ничего вымолвить. Примечательны цитаты, которые чуть позже выписывал десятилетний Черчилль из Маколея: «Рано или поздно, смерть неизбежно приходит к каждому. И может ли быть лучше смерть, если она приходит перед лицом огромных препятствий, за прах отцов, за храмы своих богов?»

Природа не наделила Черчилля крепким здоровьем: «Моим проклятием является слабое тело, и я едва могу выдержать напряжение дня». Подростком он стремился превозмочь физические ограничения — к примеру, прыгнул с моста трехметровой высоты и пролежал без сознания трое суток, всю жизнь его мучили простуды и воспаление легких, но нигде не найти у этого не знающего передышки оратора, обсуждавшего все мыслимые темы, жалоб на свое здоровье. (Черчилль всегда считал доблестью идти против течения. Когда в самолете закигалась надпись «Не курить», он

немедленно зажигал сигарету. Когда он вел автомобиль, то ехал только по крайней скоростной полосе. Даже после Второй мировой войны, пережив инфаркт, три тяжелых воспалений легких, два инсульта и перенеся две операции, Черчилль продолжал есть, пить, курить без ограничений. Ему хотелось оставить о себе память как о Питте, нормой которого были две бутылки вина в день. Жить на пределе. Жить, а не существовать.)

Школа Харроу, избранная для продолжения образования Уинстона, в общественном мнении уступала лишь Итону. Для «слабой груди» Уинстона, полагал сэр Рендольф, расположенный на высоком холме Харроу будет наиболее подходящим местом. Другим фактором в пользу Харроу было то, что среди членов палаты общин было пятьдесят шесть его выпускников. Пусть сын с детства лично знает тех, кому предстоит управлять страной.

Как уже говорилось, в те времена перед отпрыском известной фамилии стояли три пути: церковь, адвокатура, армия. Первые два требовали убедительно продемонстрированных способностей в классических науках — именно это у Уинстона отсутствовало. Приступив к латинскому языку в восемь лет, он далеко не продвинулся. В нем был величайший, с точки зрения учителей, грех — отсутствие самодисциплины как основы академического ума. Его отношение к французскому языку и математике граничило с полным безразличием. Обладателю полутора тысяч оловянных солдатиков интересны были военные игры. Учитывая этот интерес, по достижении пятнадцати лет было решено готовить Уинстона к поступлению в Королевскую военную академию в Сандхерсте. Исходя из этой перспективы, молодой Черчилль вступил в особый военный класс Харроу.

Один из выпускников Харроу описывает его как «одинокого мальчика, обычно бродящего без компании, но известного всей школе». Его индивидуализм был ярко выражен в эти годы становления личности. Уинстон не любил групповых игр, ему больше нравилось плавание. Именно в бассейне Харроу Уинстон столкнулся в воду Леопольда Эмери, с которым его сравнивали по талантам сорок пять лет спустя. Он много лет спустя рассказывал лорду Морану, что «все началось в Харроу», где, скрывая отстаивание в латинском, Черчилль просил делать переводы старших мальчиков. «Зато я открыл, что могу делать то, чего другие не могут — могу хорошо писать». Уинстон Черчилль никогда не считал детство золотым периодом своей жизни. Напротив,

«это был пустынный период моей жизни, время дискомфорта, ограничений и бессмысленной монотонности».

В эти годы Черчилль открыл в себе неподражаемую память. В тринадцатилетнем возрасте он запомнил более тысячи строк «Римской истории» Маколея и никогда уже не забывал. В старости он цитировал стихи, выученные в десятилетнем возрасте. После инсульта 1953 года он процитировал своему доктору, следящему за текстом, стихи Лонгфелло, заученные пятьдесят лет назад. Память станет его самым надежным рабочим инструментом. В пятидесятые годы нашего века он попросил сэра Дэвида Ханта найти точную цитату из Аристофана о том, что «качества, необходимые для написания трагедии и комедии, одинаковы, гений-трагик должен быть также гением комизма». Хант подумал, что искать нужно у Платона, что «огни у Черчилля начинают затухать», и ночью обратился к справочнику. К своему изумлению, он обнаружил в знаменитом диалоге «Симпозиум» вымышленный диалог Платона с Аристофаном, которому и принадлежали упомянутые слова. Пораженный Хант спросил Черчилля, когда тот в последний раз читал этот диалог, и получил ответ — в 1896 году, в возрасте двадцати двух лет.

Своеобразное психологическое притяжение политической борьбы «инфицировало» Уинстона в 1885–1886 годах, когда его отец принимал участие в решающих для себя выборах, когда его мать полностью отдала себя предвыборной кампании и даже бабушка (вдовствующая герцогиня Мальборо) ну чуралась вести пропаганду. Сэр Рендольф победил, но его партия проиграла, перейдя в оппозицию. «Что вы будете делать далее?» — типичный вопрос молодому политику. «Я буду лидером оппозиции в течение пяти лет, а затем стану на следующее пятилетие премьер-министром. Потом я умру». Типичный черчиллевский вызов, воспринятый Уинстоном сполна.

Следующие выборы 1886 года принесли триумф союзу консерваторов в юнионистами (сторонниками союза с Ирландией). Лорд Солсбери стал премьер-министром, а сорокапятилетний Рендольф Черчилль — министром финансов и лидером палаты общин. Рендольф Черчилль выступал за реформы дома и оборонительные меры в империи — он ставил на первое место финансовое могущество страны. Но Солсбери не доверял амбициозному министру, как не доверял он массам, облагодетельствовать которые желал реформатор. Прибегнув к политическому блефу, лорд Рендольф

предложил свою отставку, и Солсбери неожиданно принял ее. Карьера министра прервалась на полном ходу, он никогда уже не получил шанса, на который мог рассчитывать благодаря своим талантам и связям. Лорд Рендольф до конца своих дней остался «обиженным» британской политической сцены. Возможно, менее всего сэр Рендольф в дни своего отчаяния думал о сыне, который издали наблюдал за взлетом и падением отца. (Уинстон заучивал речи отца в парламенте наизусть.) После 1886 года сэр Рендольф находится во власти смертельной болезни и уходит с небосклона общественной жизни. Печать этой семейной драмы отложилась на Уинстоне Черчилле, у которого появился своего рода «синдром обиды».

В школе Харроу низкая оценка способностей Уинстона Черчилля определила специализацию. Отвращение к математике исключило возможность поступления в артиллерию в инженерные войска. Восемнадцатилетний Уинстон Черчилль стал кадетом-кавалеристом королевского военного училища в Сандхерсте. Он ожидал поощрительных комментариев отца, но тот, будучи уже серьезно болен, лишь упрекнул сына за «глупость и постоянные поражения». Мать порицала его за неразумные траты, но Черчилль всегда жил — как большинство его родственников — не особенно задумываясь о долговой яме. Матери он пишет: «Нет сомнения, что мы одинаково бездумны в тратах и экстравагантностях... Оба мы знаем, что хорошо, и желаем иметь это. Мысли о плате оставляются на будущее».

Между тем даже ранние письма Уинстона Черчилля определенно удивляют полетом мысли. На одном дыхании в них говорится о гимнастических упражнениях, выученном наизусть отрывке из «Потерянного рая» Мильтона, интересной лекции по астрономии, обсуждается вопрос о том, как научиться хорошо плавать, высказывается желание играть на виолончели и в конце говорится (коротко) о неудачах. При этом мать и отец были в высшей степени критичны, буквально «уничтожая» своего сына за убогость словарного запаса, тупость выражений, отсутствие элегантности в прозе. Упрек относился к одиннадцатилетнему школьнику.

В военное училище Сандхерст поступали дети только высшего класса. Примечательной была суровость, с какой правящая Англия готовила к жизненному пути свою элиту. Занятия начинались в шесть сорок пять утра и продолжались, с перерывами на завтрак

и ленч, до четырех часов пополудни. Главные предметы: чтение карт, тактика, военная администрация, юриспруденция, копание окопов, стрельба, гимнастика; марширование, езда верхом. После четырех часов можно было заниматься самообразованием. Строго в одиннадцать били отбой. При всей своей жесткости система так и не сломала Черчилля. И в военной казарме — и на всем жизненном пути — он не любил дисциплину, и в этом смысле слава беспрекословных спартанцев никогда не привлекала его.

Черчилль завершил экзамен в Сандхерсте двенадцатым из 150 кадетов. Его лучшие оценки приходятся на конную езду, что и определило поступление в 4-й полк гусар, где главным занятием были военные упражнения. Это вело (пишет Черчилль) у «умственной стагнации», что, может быть, соответствовало духу армии, но не Уинстона Черчилля. Этим объясняется его решимость начать систематическое чтение лучших книг по истории и экономике. Первыми в его списке были «Политическая экономика» Г. Фосетти, «Упадок и падение Римской империи» Гиббона, «Европейская мораль» Леки.

Тем временем паралич свел Рендольфа Черчилля 25 января 1895 года в могилу, он был похоронен на кладбище в Блейдоне, откуда виден дворец Бленхейм, где двадцать лет назад родился Уинстон Черчилль. Опорой в жизни для Уинстона Черчилля стала мать. Ее экстравагантность была известна всему лондонскому свету. Но ввиду обрушившихся на нее материальных трудностей она с трудом могла помогать сыну.

* * *

В середине 90-х годов прошлого века набат истории ударил по британской аристократии. На Олимп политики начала восходить буржуазия. Теперь дворянское звание можно было купить за деньги. С противоположного берега Атлантики Эмерсон с грустью писал об Англии: «Не существует страны, где более поклонялись бы богатству». Будущий премьер Г. Асквит попытался облагородить образ своей страны: «Несправедливо говорить, что все здесь следует лишь материализму и накоплению богатств». Лидер восходящей партии либералов говорил о системе производства, которая губит вторую — бедную Англию. При невероятных богатствах, накопленных Лондоном, неоспоримом морском всемогуществе и главенстве в мировой торговле система эксплуатации заставлена усомниться в английском гуманизме.

Рабочий в богатейшем городе мира получал пару десятков фунтов стерлингов в год. Закон позволял женщинам работать три ночные смены при шестидневной рабочей неделе. Детская смертность в непревзойденном индустриальном Бирмингеме составляла почти сто на тысячу родившихся. Более двенадцати миллионов англичан (из общего населения в 45 миллионов человек) жили на грани хронического голода.

А на противоположном полюсе горели возбуждением. То был золотой век предпринимательства, когда средний класс, буржуазия Британии быстро набирали силу. Это сила волей-неволей обращалась против символа респектабельности и стабильности — викторианского века с его частными школами, профессиональной системой управления и устоявшимися политическими партиями, определившими правила игры в Вестминстере, где британский парламент служил моделью для мировой политической науки. Старая викторианская Англия уходила вместе со своим последним «классическим» политиком Гладстоном, пребывавшим на политической сцене более шестидесяти лет. Тех самых лет британского всемогущества, которым уже не было возврата. Королева Виктория нашла Гладстону весьма характерного преемника, символизирующего новую эпоху, — лорда Арчибальда Розбери, о котором хорошо его знавшая Марго Асквит сказала: «Я думаю, что лорд Розбери имел бы более крепкую нервную систему, если бы не был так богат». Сам Розбери однажды признался, что в жизни у него были три великих желания: жениться на богатой наследнице, выиграть скачки в Дебри и стать премьер-министром. Он женился не просто на богатой наследнице, а на наследнице Ротшильдов. Его лошадь не просто взяла первый приз Дерби, а сделала это три раза. Что касается премьерства, то он достиг его, не приложив никаких стараний: он понравился королеве Виктории и ее никто не сумел переубедить.

Розбери был на свой лад философом: «Существует лишь две высшие радости в жизни, — сказал он. — Одна идеальная, другая реальная. Идеальную радость человек испытывает, когда получает от своего суверена высшую правительственную должность. Реальная радость охватывает его тогда, когда он отказывается от этой должности». Приход Розбери к власти многое означал для оставшейся вдовой леди Дженни Черчилль и ее сыновей. Леди знала Арчибальда Розбери много лет, и у них были совпадающие взгляды на политику и литературу. Оба скептически

воспринимали традиции и с легкостью воспринимали новое. Скажем, Дженни Черчилль была первой в Лондоне, устроившей у себя дома электрическое освещение. Но знакомство с премьером было не самым большим общественным активом вдовы лорда Рендольфа. Таковым можно считать близкое знакомство с наследником престола Эдуардом — принцем Уэльским, которому в 1895 году было пятьдесят четыре года и которого звать Европы называла «профессиональным любовником». Принц Эдуард не отличался глубоким интеллектом, но он умел ценить ум других, и в число этих других входила американка Дженни Черчилль. Если принц собирался созвать званый вечер, то список гостей часто составляла Дженни, знавшая его друзей, пристрастии, вкусы — музыкальные, гастрономические и прочие.

Именно в эти годы Дженни Черчилль становится наставником, поверителем тайн и доверенным лицом своего сына. Позднее Черчилль писал об этой дружбе: «Моя мать всегда протягивала мне руку помощи и совета... Она вскоре стала моим ревностным союзником, обсуждая мои планы и защищая мои интересы со всем кК влиянием и безграничной энергией... Мы работали вместе скорее как брат и сестра, чем как мать и сын. По меньшей мере так казалось мне. И так продолжалось до конца». Вплоть до своей смерти Черчилль хранил на письменном столе бронзовый слепок руки матери. Нет сомнения, что леди Черчилль стала определяющим фактором развития и становления своего сына. Она не только наставляла его всем свойственным ей умом, мужеством и энергией, но постоянно формировала его характер посредством дискуссий, переписки, обмена мнениями, дружеской ориентацией. Думая о будущем сына, она знакомила его я наиболее влиятельными фигурами эпохи, возбуждая в нем амбиции, столь свойственные его отцу, но им не осуществленные.

Отца Уинстон воспринимал как одного из наиболее выдающихся политиков своего времени. Он знал наизусть его лучшие речи и в конце концов написал его двухтомную биографию. Как раз об этих годах Уинстон Черчилль впоследствии напишет: «Одинокое деревня, если не растут, то растут сильными, и сын, лишенный отцовской заботы, часто вырабатывает, если избежит опасностей юности, независимость в силу мысли, которые в последующем могут восстановить потери ранних дней».

Вторым по значению учителем Черчилля был американский политик Бурк Кокрен — единственный человек, о котором Уин-

стон сказал: «Я хотел бы походить на него... Это был американский государственный деятель, который воодушевил меня... Он научил меня использовать каждую ноту человеческого голоса». Дженни Черчилль стала вдовой лишь на месяц раньше вдовства Кокрена, которому исполнился 41 год. Дженни воодушевило жизненное кредо Кокрена: «Жить напряженно и умереть неожиданно». Маркиз Рипон вспоминал: «Когда я был молодым человеком, мы считали величайшим мастером беседы Карлейля. Потом мы подобным же образом оценивали Гладстона. Я слышал Карлейля и Гладстона много раз, но я определенно уверен, что по уму, мудрости, изяществу речи ни один из них не приблизился к американскому бизнесмену Бурку Кокрену».

Сколь ни молод был Черчилль, но он мог уже сравнивать, слушая красноречие Гладстона, Солсбери, Розбери, Джозефа Чемберлена, Бальфура, не говоря уже о самом большом для него авторитете — отце, и он был восхищен американским оратором. Правило Кокрена было простым: «Что люди в действительности хотят услышать, так это правду, это потрясающая штука — говорить простую правду». Кокрен учил избегать манерности, эгоцентризма, инвективы. И Кокрен и Черчилль восхищались английским оратором начала XIX века Эдмундом Берком. По отзыву Кокрена, «Берк взнуздal английский язык, как человек способен взнуздать лошадь. Он был простым, прямым, красноречивым, и все же есть великолепие в его фразах, и даже холодный печатный текст передает силу, так воздействующую на слушателей».

Черчилль вспоминал: «Я был тогда молодым субалтерном кавалерии, и он обрушил на меня всю силу ума и красноречия. “Земля, — говорил он, — это щедрая мать. Она обеспечивает изобилие пищи всем своим детям, если только они обрабатывают ее почву в мире и справедливости”. Я часто повторял эти слова с британских трибун». Кокрен объяснил Черчиллю свой метод: изучить предмет в деталях, «заполнять» память постоянным чтением, идти от сложного к простому, находя понятные всем аналогии и иллюстрации, искать и ждать момент вдохновения, когда мысли отольются в чеканные фразы. Впервые в жизни Черчилль стал создавать свой собственный метод красноречия.

Уинстона Черчилля волновала ситуация на Кубе. Он хотел видеть, как Испания теряет свою последнюю опору в Западном полушарии, и он решил увидеть это собственными глазами. Главнокомандующий британской армии лорд Уолсли попросил

лейтенанта Черчилля собрать информацию военного характера и особенно данные о новых патронах — степени их ударной силы и проникновения. С этой миссией Черчилль впервые пересек океан. Черчилль проследовал на Кубу через Соединенные Штаты. Вест-Пойнт, главная военная академия Америки, поразил его жестоким режимом. В Сандхерсте личность будущего офицера уважали больше. В целом Соединенные Штаты произвели на двадцатилетнего Черчилля впечатление «очень большой страны», лишенной привлекательности и романтики, где унитарность была правилом жизни. Особенно его покорило полное пренебрежение американцев к традициям — для англичанина это было едва ли не святотатством. Негативное впечатление на него производила американская пресса, журнализм, «основанный на вульгарности и отстоящий от истины». Брату он объясняет, что вульгарность не всегда плоха. «Вульгарность может быть признаком силы. Великий, грубый, сильный молодой народ, эти американцы — как крикливые здоровые дети... Ужас от дурных манер, людей не обращающих внимание на традиции, и в то же время добродушная свежесть восприятия, которой нации мира могут только позавидовать».

Поездка на Кубу восхитила Черчилля, как приключение, как незаменяемое жизненное впечатление, которые он всегда так ценил. Его мозг был устроен так, что полученное сегодня так или иначе оказывалось неизбежно полезным завтра. Ему нравилось также убедиться в личной отваге: «Мы продвинулись вперед по местности под интенсивным обстрелом». В день своего двадцатидюлетия «я впервые в жизни услышал, как они свистят в воздухе». Он навсегда сохранил пулю, убившую испанского солдата, стоявшего рядом с ним. Черчилль посылал письма через испанских высших генералов — герцога Тетуана и маршала Камноса. Указанные испанцы, несмотря на разницу в возрасте, позволяли ему называть себя по имени. С полной серьезностью Черчилль пишет: «Я становлюсь абсурдно старым». Историк Г. Мартин не без основания замечает, что он всегда им был.

Поездка на Кубу была описана живым и запоминающимся языком в «Сатердей ревью», а Дженни Черчилль разослала копии журнала своим многочисленным влиятельным друзьям. Важным был быстрый ответ Джозефа Чемберлена: «Это лучшее краткое описание проблем, вставших перед испанцам, и я полностью согласен со сделанными заключениями». Б. Кокрен пролил баль-

зам на амбиции молодого Черчилля: «С вашим замечательным талантом ясного и привлекательного изложения вы максимально эффективно используете знания, почерпнутые из изучения социологии и политической экономики. Я твердо верю в то, что вы займете главенствующую позицию в общественной жизни при первой же возникшей возможности. Я всегда верил, что подлинные способности либо находят, либо создают благоприятные возможности».

Черчилль возвращался в Англию уже известным автором. Но пока возможности создавали не его способности, а скорее Дженни Черчилль. Политическая элита Лондона была довольно ограниченным кругом, и мать ввела сына в этот круг, значение чего для будущего Черчилля трудно переоценить. Начиная с 1896 года Черчилль знакомится со всеми ведущими политическими фигурами периода, со всеми звездами писательского мира.

Именно в это время владелец самого большого состояния в Америке (200 млн долл.) У. Астор попросил руки Дженни Черчилль, и та, по-своему восхищаясь магнатом (не только сделавшим грандиозное состояние, но и написавшим две интересные книги, глубоко осведомленным в истории и языках), стояла перед соблазнительной возможностью стать богатейшей женщиной в мире. Но Дженни, во-первых, не любила Астора, во-вторых, она поставила перед собой иную задачу — подготовить политическое будущее Уинстона. Ей важнее было посадить сына за один стол с принцем Уэльским, что она и сделала в конце 1896 года. «Я понял, что должен показать лучшие черты воспитания: пунктуальность, смирение, сдержанность, короче — продемонстрировать все те качества, которыми я был наделен менее всего», — писал Черчилль. Разумеется, Черчилль опоздал на сорок две минуты, и будущий король спросил, учили ли его пунктуальности в армии. Нужно было обладать самоуважением Уинстона Черчилля, чтобы не смутиться.

В августе 1896 года Черчилль признался своей матери, что желает быть членом парламента, но не решается уйти из армии. Полк посылали в Индию. Черчилля, как и многих в его поколении, волновал и манил Восток Редьяра Киплинга⁹. Годы в Индии, для многих английских офицеров запомнившиеся лишь ленью и жарой, стали годами выбора пути для Уинстона Черчилля.

В Индии Черчилль снял огромных размеров бунгало, «окропленное розовым и белым, с тяжело усталой крышей и боль-

шими верандами, держащимися на белых алебастровых колоннах, увитых пурпурными бугенвиллеями». Местность вокруг была «плоской, как тарелка, и жаркой, как очаг», но вокруг бунгало росли двести с лишним деревьев. В конюшне стояли тридцать лошадей, «нас обслуживали трое слуг... Освобожденные от рутинных забот, мы обратились к подлинно серьезным занятиям» — к игре в конное поло, собиранию коллекции бабочек и ежедневному составлению букета цветов. В письмах, полученных от матери, мы находим: «Я надеюсь, ты найдешь время для чтения. Подумай, ты пожалеешь о потерянном времени, когда погрузишься в мир политики, и ощутишь недостаток знаний».

Вообще говоря, Уинстон Черчилль сам стал приближаться к этой идее. В письме брату он пишет о достоинствах университетского образования, о рождающейся в нем страсти «иметь хотя бы приблизительное представление о многих сферах мысли». Здесь сказалось то обстоятельство, что Дженни жила в мировой столице печатного слова. В дело воспитания политика вступили Платон, Аристотель, Дарвин, Мальтус, Паскаль и Адам Смит. В Индии у него, в отличие от Кубы, не было рекомендованных писем к высшим офицерам и чиновникам. Индийские принцы, с которыми он играл поло, его не интересовали, а британскую колонию в Бангалоре он считал способной лишь на мелкие дразги. Оставалась программа самообразования.

Неоспоримо, что серьезно историей и мировой политикой Уинстон Черчилль заинтересовался довольно поздно. Уставная практика, ориентация на военных картах, определение основного направления конной атаки — вот чему обучался он в военной школе Сандхерста. До двадцати с лишним лет у него не было особого интереса к дипломатической ориентации Англии и нуждам ее политики. Лишь когда он очутился в Индии гусаром колониальных войск, у него проснулся интерес к гуманитарному знанию. Нужно было чем-то заполнить томительную послеобеденную сиесту — неотъемлемую часть ежедневного распорядка гарнизонного офицера. Зимой 1896 года в далеком Лондоне мать получила от сына, лейтенанта второго класса кавалерии, довольно неожиданную просьбу: купить восьмитомник Гиббона и сочинения Маколея. Знаменитый трактат Гиббона «Причины упадка и паления Римской империи» произвел на молодого Черчилля неизгладимое впечатление. Это классика исторической литературы очень отличалась от тех текстов, которые заставляли читать

преподаватели частной школы и военного училища. Черчилль пишет: «Теперь, во второй половине залитого солнечными лучами индийского дня, когда мы покидаем свои казармы, я поглощен чтением Гиббона. Я безоглядно погрузился в это повествование и наслаждаюсь каждой деталью. Свои собственные мысли и занозу на полях». Его правилом стало поглощать пятьдесят страниц Маколей и двадцать пять страниц Гиббона каждый день.

Впоследствии Черчилль скажет, что у него был «пустой, голодный ум и достаточно сильные челюсти; все, до чего я дотягивался, я глотал». Его американская тетка, герцогиня Лили, прислала ему в подарок не что-нибудь, а пишущую машинку. «После чтения, — сообщает Уинстон матери, — я размышляю и, наконец, пишу. Я надеюсь, что подобной практикой создам совокупность логически и последовательно связанных точек зрения, которые помогут в образовании логического и последовательного ума... Маколей, Гиббон, Платон и прочие должны ориентировать мускулы и дать умственному мечу способности проявить себя максимально эффективным образом... Я читаю 3 или 4 книги сразу». 14 января 1897 года неопит исторической науки пишет матери о том, что без остановки прочитал «Республику» Платон, а к середине марта позади остались все тома огромной всеобщей истории Маколей.

Любопытно знакомиться с его суждениями: «Маколей — это сила и ясность. Гиббон выглядел больше государственным деятелем, он более монументален, больше впечатляет. Оба они восхитительны и демонстрирует, сколь прекрасным может быть английский язык, каким разнообразным может быть английский язык, каким разнообразным может быть изложение на нем». Список книг расширяется: Шопенгауэр, Дарвин, Аристотель, Рошфор, Сен-Симон. В Индию посланы 100 томов ежегодных журнальных обзоров общественной жизни в Англии. Лейтенант пояснил, что хотел бы знать в деталях историю Англии за последние 100 лет.

Формирующаяся система его политических взглядов включают в себя обоснование необходимости всеобщего избирательного права для мужчин и введение системы всеобщего образования. Рабочим следует предоставить восьмичасовой рабочий день, парламентарии должны получать содержание от государства. В государстве следует ввести прогрессивный налог. Во внешней политике — полное отстояние от внутри европейских склок, все

силы надо обратить на укрепление империи. Охрана ее обеспечивается могущественным флотом и небольшой армией. Черчилль приходит к выводу (и сохранит это уверенность до конца жизни), что демократическое правление пригодно лишь для определенной части Европы и уж никак не для Азии и Африки.

Индия не затянула глаза. Черчилля киплингговским очарованием. «Жизнь здесь глупая, скучная и неинтересная, — жаловался он матери. — Комфорт есть, компании нет». Но критицизм Черчилля уже выходит за провинциальные рамки, он начинает судить исторических героев и деятелей современного мира. Растущую звезду британского политического мира — Бальфура — он характеризует как «ленивого самодовольного циника», а Джордж Керзон, по его характеристике, — «испорченное дитя политики, исполненный лукавства, высокомерный благодаря незаслуженному успеху — типичное оксфордское высокомерие». Дженни читала мнения сына не о героях древности, а о ее личных и близких друзьях, которые-то более всего могли помочь ее впадшему в цинизм сыну. Но Дженни всегда поощряла искренность. Сыну она ответила: «Жизнь не всегда является такой, как хочется, но сделать из нее все возможное — это единственный способ быть счастливым». И впервые она заговорила о политических амбициях, которые питает в отношении Уинстона. Если не удалось сделать премьером мужа, то следует использовать ссорой шанс. Чтобы реализовать этот шанс, требовался гигантский труд.

«У тебя нет настоящей цели в жизни и понимания того, что в возрасте 22 лет жизнь для мужчины означает работу, тяжелую работу, если ты хочешь преуспеть».

Тем временем волею вначале малозначительных событий Черчилль получил возможность быть знаменитым. На северо-западной границе Индии, там, где Британская империя смыкалась с русской и китайской, кочующие местные племена атаковали британские посты, и для их усмирения была организована Малаканданская военная группа. Черчилль стал связным офицером главнокомандующего. Известность Черчиллю принесло не демонстративное гарцевание под пулями, а статьи, опубликованные в Лондоне.

Корреспондент писал свои репортажи, не зная, какой отклик они вызовут в Англии, но он уже решил создать на их основе книгу. «История Малакандского отряда» вышла в Лондоне весной 1898 года. Самым неприятным для Черчилля отзывом

прессе был комментарий в «Атенеуме», который подал книгу как «словно написанную пером Дизраэли, но выправленную сумасшедшим редактором». Другие комментарии были более благожелательными, большинство сравнивало его с отцом, что было, безусловно, лестно. «Таймс» отметила «силу прямого обращения, сдержанность, чувство юмора», демонстрируемые молодым автором. «Спектейтор» отметил «проницательную аргументацию». А профессиональный военный «Журнал всех родов войск» назвал книгу «превосходной работой» и рекомендовал ее для чтения офицерам.

В высшей степени лестным для Черчилля был отзыв наследника престола. «Не могу удержаться, чтобы не написать несколько строк поздравления по поводу успеха вашей книги! Я прочитал ее с величайшим возможным интересом и считаю описания и язык превосходными. Все считают эту книгу, и я слышу сплошные похвалы. У вас впереди еще много времени, и вам нужно после службы в армии добавить к своему имени титул «член парламента».

Перед Черчиллем встал вопрос, следует ли продолжать военную службу. Армия, в которой служил Уинстон Черчилль, производила впечатление в основном своей блистательной униформой. На континенте — в Европе — создавались вооруженные формирования нового типа, готовые к колоссальным по интенсивности и масштабности сражениям. Англичане же благодумствовали в сени славы Ватерлоо. Когда Бисмарк спросили, что он будет делать, если британская армия высадится в Пруссии, мэтр европейской политики ответил: «Я пошлю полицейского, и он ее арестует». В то время как в европейских армиях уже давно существовали деления на корпуса, дивизии и бригады, в Англии армия по старинке строилась вокруг элитарных полков — гусар и драгун, завоевавших свою славу много лет назад. В армии Британской империи насчитывался 31 кавалерийский полк гордившийся давностью своего происхождения — почти все они были основаны в XVI–XVII веках. Их командиры предпочитали не заглядывать в скучные книги немецких военных теоретиков. Джентльмен не должен быть слишком серьезен.

Когда Крупп¹⁰ начал ковать современное оружие, англичане заботились лишь о костюмах своих гусар. Лондонская «Таймс», напрочь отвергая скучную военную схоластику, с восторгом писала о полке гусар: «Их невероятные натянутые на ноги брюки

не поддаются никакому описанию». На континенте 1896 года изобрели бездымный порох, но англичане категорически настаивали на применении прежнего пороха — стойкие приверженцы традиций предпочитали не придавать особого значения изобретениям. Они продолжали пользоваться пушками, которые заряжались с носовой части. В континентальной Европе такие орудия стояли уже в музеях. Покровитель английских кавалеристов герцог Кембриджский так изложил свое кредо: «Я не против нововведений, но только в том случае, когда нет альтернативы». Но промышленность все больше оттесняла обскурантов. В ежегоднике за 1897 год говорится о «развитии механической тяги для дорожных повозок. Использование таких повозок, называемых “машинами-моторами”, ограничено согласно закону, запрещающему передвигаться со скоростью более шести километров в час». Выставленный на выставке изобретений автомобиль вызвал уничижительные замечания газетчиков: «Новое изобретение вызывает всеобщее презрение. Ведь, помимо прочего, закон требует, чтобы по дороге перед механически передвигающейся повозкой шел человек с красным флагом». И это писали в стране Герберта Уэллса, короля фантастов. И это писали в стране Герберта Уэллса, короля фантастов. Уже в 1898 году принц Уэльский выехал на автомобиле. Сохранилась фотография, на которой принц гордо восседает на заднем сиденье. Рядом Дженни Черчилль. После поездки наследник престола изрек: «Машина-мотор станет необходимостью для каждого английского джентльмена».

* * *

Немалое число современников еще помнили, что сэр Рендольф Черчилль реформировал консервативную партию, подготовив ее к новым временам. Уинстон в 1897 году определил себя как «либерала во всем, кроме самого имени. Если бы либералы не выступали за самоуправление для Ирландии, я вступил бы в парламент как либерал. Ну, а сейчас моим знаменем будет «консервативная демократия». При этом он выступал за консолидацию империи, придавая ей, если это окажется нужным, форму конфедерации. Откровенный империализм казался ему опасным. Так, война с Россией могла принести Британии больше вреда, чем вековому сопернику.

Воинская слава все меньше привлекала молодого лейтенанта Черчилля. Он пишет, что не может больше упиваться праздным

бездельем в Индии. «Здесь можно вести исключительно животное существование». 8 мая 1897 года на борту судна «Ганг» он покинул Бомбей. По пути он посетил Помпеи, а затем Рим и Париж.

Черчилль вернулся в Англию с твердой верой, что его первые книги позволят ему выйти в отставку и подготовить политическое будущее. В Англии Черчилль погружается в светскую жизнь. Половина жизни британской аристократии проходила на уик-эндах в загородных поместьях. Уик-энды обычно захватывали четыре дня и четыре ночи и были непреложным обычаем. Именно здесь, на английских уик-эндах, сильные мира сего решали проблемы своего почти кастового общества.

Возможно, на одном из этих уик-эндов у блестящего журналиста из «Дейли мейл» родилась идея дать портрет «самого молодого мужчины в Европе»: «По годам он еще мальчик, по темпераменту он того же возраста; но по намерениям, по заранее сверстанным планам, по цели, адаптации к средствам их достижения он уже мужчина... Тому, то он есть, он обязан происхождению. От отца он унаследовал ловкость в делах, впечатляющий стиль подхода к проблемам. С материнской стороны он добавил пронизательность, видение главного, частичный цинизм, личные амбиции, природную предрасположенность к саморекламе и, к счастью, чувство юмора... качества, которые могут сделать его, если он пожелает, великим популярным вождем, знаменитым журналистом, основателем огромного агентства рекламы... Он амбициозен, он рассудителен; и все же он не холоден. У него странное, глубокое чувство самоуглубленной рассудительности... он не готовит себя к карьере демагога. Он рожден демагогом и знает это. Двадцатый век может стать его достоянием. Кем он станет, кто может сказать?»

Еще более важным для Уинстона было суждение принца Уэльского: «Придите ко мне; расскажите о последней кампании и о ваших планах на будущее. У меня такое чувство, что парламентская и литературная жизнь подходят вам больше монотонности военной службы».

Черчилль послушался совета — уволился из армии, «Я не могу жить более скромно и зарабатывать больше как писатель». Первые цивильные месяцы он помогал матери издавать журнал «Англосаксонское обозрение». Но мы видим, что иные интересы начинают овладевать его сознанием. Во время очередного карнавала (о котором известно, что молодой Черчилль был с де-

ревянным мечом) второй лейтенант конных гусар договорился с деятелем из консервативной партии о возможности своего выдвижения в парламент. Этот деятель — Дж. Стюард — пишет в организацию консервативной партии округа Бат: «Что вы думаете о том, чтобы позволить сыну Рендольфа Черчилля — мистеру Уинстону Черчиллю — выступить на вашем собрании 26-го числа? Это умный молодой человек, и его присутствие, несомненно, могло бы вызвать интерес».

Черчилль произнес свою первую политическую речь в мерке небольшого городка Бат в середине лета 1897 года. Об этой речи известно, что она прерывалась аплодисментами 41 раз Черчилль ощутил вкус общественного признания.

Его трудно было назвать прирожденным оратором. Даже в произношении у него был значительный гандикап — он не мог произносить звука «с», что самым неблагозвучным образом сказывалось на его речи. Еще более существенным недостатком был страх перед публикой. Дар импровизации изначально ему не был отпущен, стоя перед аудиторией он терялся, мыслительный процесс тормозился явственным образом. «У меня не было практики, которую приобретают молодые люди в университетах, ведя импровизированные дебаты обо всем», — оправдывался Черчилль. В течении многих лет он абсолютно не мог сказать на публике ничего такого, что не было бы написано заранее и выучено наизусть. Как пошутить впоследствии его друг лорд Биркенхед¹¹, «Черчилль отдал лучшие годы своей жизни подготовке речей, произносимых экспромтом». К счастью для Черчилля, память его была исключительной и он мог «запоморизировать» довольно большие тексты.

Черчилль очень зависел от настроения аудитории. Не он один. Гладстон однажды сказал: «Хотел бы я, чтобы вы знали, до состояния какой беспомощности дохожу я, если не встречаю отклика на звуки своего голоса». О Ллойд Джордже сказано: «Его подлинной ошибкой было желание понравиться слушателям — его слабостью была излишняя реакция не окружающую атмосферу». Питая аналогичную слабость, Черчилль еще в 1897 году написал статью о риторике и влиянии на аудиторию речевых эффектов. (Мир познакомился с этим текстом лишь после его смерти.) Автор рассуждает о дикции, ритмической прозе, способах аргументации, методике проведения аналогий. Выше прочего он ставил «тенденцию к исключительной экстравагантности текста». Чер-

чилль отдавал предпочтение коротким словам — «их значения более близки национальному характеру, они вызывают большую ответную реакцию, чем слова, позаимствованные из латинского и греческого языков». Но главное для успеха речи — внутренняя взволнованность оратора. «Для того чтобы воодушевить других, оратор сам должен быть захвачен волной эмоций... Прежде чем вызвать слезы у других, он должен верить сам. Если политик овладеет этим искусством, в его руках мощное оружие, будь он даже оставлен своей партией, предан друзьями, лишен должностей».

Все будет в карьере Черчилля. Он будет оставлен друзьями, покинут партией, лишен должностей. Но его красноречие не изменит ему никогда, соединение ума и выразительности действительно представит собой большую автономную силу.

Первая речь Черчилля была своеобразной хвалой консервативной партии. Либералы «всегда либеральны с деньгами из чужих карманов». Радикалы ради вентиляции разбивают все окна в доме, чтобы погибнуть от простуды. И только консерваторы в социальных вопросах предпочитают «не прыгать вниз, если существует лестница». В конечном счете «рабочий станет владельцем акций своего предприятия, хотя произойдет это в весьма отдаленном будущем». Заслугой консерваторов Черчилль называл сохранение мощи страны в мире.

«Нет недостатка в людях, которые говорят, что наша империя достигла пока своей славы и могущества, а отныне мы начинаем двигаться к упадку, как это происходило с Вавилоном, Карфагеном и Римом. Докажите ложность их суждений своей жизненной силой, энергией нашей расы, еще не растроченной и могущественной, покажите решимость сохранить нашу империю такой, какой мы ее унаследовали от наших отцов».

К Черчиллю применимо в данном случае выражение Гегеля — «ирония истории»: именно на протяжении его жизни произойдет то, чему он сопротивлялся с невероятной энергией — закат Британской империи. Но это будет потом, а пока — в те дни, когда гусары делили время между спортом и развлечениями, окунувшийся в политику лейтенант совершенствовал свое главное жизненное оружие — речь, и устную и письменную. Описание колониальной жизни в Индии и политической борьбы в долине Нила оказало большое впечатление из принца Уэльского — тот пожелал встретиться с начинающим писателем. Суждение наследника престола содержало верный прогноз «Я не могу из-

бавиться от чувства, что парламентская и литературная жизнь соответствует наклонностям Черчилля более всего». Мнение это было тем более лестным, что вскоре принц стал королем.

Последние годы прошлого века временами становления Черчилля как личности. Никто не мог усомниться в его лично мужестве, которое он проявил на Кубе, на северо-восточной границе Индии, во время боев в Южной Африке. Речь идет не только о бесстрашии перед пулями. Будучи младшим офицером в Судане в 1898 году, он обрушился в прессе на всемогущего героя дня, завоевателя Судана генерала Китченера за «на безжалостное убийство раненых» и за разрушение местных святынь.

Читатели «Морнинг пост» получили живой отчет свидетеля и участника. Кампания на Ниле стоило Китченеру 500 убитых, в то время как дервиши потеряли 10 тысяч убитыми. Репортажи Черчилля легли в основу новой книги «Война на реке» (ни более ни менее — 950 страниц текста). Друзья списали, что это, «без сомнения, лучшая книга на подобную тему», Либеральная «Манчестер гардиан» отметила «рыцарственное отношение автора к противнику». Но «Таймс» отметила, прежде всего, «беспардонное самоутверждение».

* * *

Поэт и критик Вилфрид Блант относительно грядущего столетия сказал только одно — «оно увидит упадок Британской империи. Другие, возможно худшие, империи займут ее место». Для ослабления нежелательных процессов требовалась решимость, национальная воля. Редьярд Киплинг в знаменитой поэме, потрясшей англичан, призвал сохранить главную предпосылку этой воли — историческую память страны:

Пусть всемогущий Бог с страной всегда пребудет,
Пока мы помним все — пока мы не забудем.

Это благородное чувство пиетета по отношению к судьбе было характерно не для всех. Витали и более низменные чувства. Джингоизм подтачивал дух нации. Издатель «Дейли мейл» писал, что его читатели жаждут «крупной порции ненависти!». Объектом этой ненависти в самом конце века неожиданно стали потомки голландских переселенцев в Южной Африке — буры. У буров в октябре 1899 года было лишь 50 тысяч вооруженного ополчения — вдвое меньше, чем британских солдат, присланных

для закрепления контроля над Южной Африкой, но они были готовы к партизанской борьбе.

Немедленно после объявления войны с бурами Уинстон Черчилль направился Южную Африку в качестве военного корреспондента газеты «Морнинг пост». То была, возможно, последняя «война джентльменов», когда отправляющимся на фронт офицерам разрешали брать с собой собственную еду, выпивку, своих лошадей, неограниченный объем одежды, любимое стрелковое оружие, старых слуг и возничих. Известная лондонская фирма «Фортном и Мейсон» готовила специальные джентльменские наборы.

Корреспондент «Манчестер гардиан» описал коллегу, которого успел изучить за период долгого плавания на юг африканского континента: «Стройный, слегка рыжеватые волосы, бледный, живой, часто бродит по палубе, задрал нос, — именно так Браунинг изобразил Наполеона; иногда погружается в размышления, складывает руки на груди и снова их убирает — не нервно, а словно помогая себе развязать очередной умственный узел».

Прибыв на фронт, Черчилль сразу же попал в переделку — бронепоезд англичан нарвался на засаду буров и военный журналист попал в плен. Сидение в лагере для военнопленных было невыносимым. Согласно немедленно рожденному плану побега, следовало отвлечь часовых и перемахнуть через стену школы. Выполняя этот план, Черчилль в течении часа ждал за внешней стороной соратников. Напрасно. Оставалось идти вперед одному. У него был шоколад и 75 футов, но он не знал языка, у него не было ни карты, ни компаса. В наступившей темноте Черчилль прыгнул в медленно идущий товарняк, двигавшийся предположительно на восток — к португальскому Мозамбичу. На рассвете выскочил из вагона и спрятался, ожидая нового поезда. Правительство буров пообещало 25 фунтов за его поимку, и сотни людей читали его описание: «25 лет, пять футов и восемь дюймов росту, среднего телосложения, слегка хромот, волосы рыже-коричневые, почти невидимые маленькие усы, говорит в нос, не может произнести звук “с”, не говорит по-голландски, в последний раз был в коричневом костюме».

Сочувствующий англичанин помог ему, он проследовал поездом до португальского порта Лоренсу — Маракиш, где первым делом объявился в британском консульстве. В Дурбане публика вынесло Черчилля на руках. Присутствующие потребовали про-

изнести речь, и ничто не могло порадовать Черчилля больше. В день прибытия в Дурбан Уинстон Черчилль написал о неприятеле: «Отдельно взятый бур, на коне и в знакомой ему местности стоит трех-пяти регулярных солдат. Единственный способ справиться с ними — или найти людей разного характера и ума, или собрать огромную массу войск... Здесь много работы для четверти миллиона человек... Заняты ли все джентльмены Англии ловлей лисиц? Почему здесь нет британской легкой кавалерии?»

Неся поражение от волонтеров-буров, любая профессиональная армия впала бы в отчаяние. Но не британская. Королева Виктория задала тон британской решимостью, когда сказала А. Бальфуру: «У нас никто не находится в состоянии депрессии; нас не интересуют возможности поражения: их для нас не существует». Почти вся британская армия (исключая индийский контингент) была отправлена на южную оконечность африканского континента. На юг плыло и мать Уинстона Черчилля, организовавшая судно-госпиталь. Она просила Уинни и Джека (его брата) встретить ее: «Ведь нас всего трое в этом мире».

Для Черчилля бурская война всегда звучало славным воспоминанием. Британские газеты помогали сделать из него героя — время побед буров требовало эмоциональной компенсации. Но и Черчилль оказался достойным столь рано добытой славы. Он сознательно сделал себя вечным тружеником, и это стало главным секретом его успехов. Умственная работа стала доминантой. Книжные полки были даже в ванной комнате. Один из его друзей заметил, что он «даже спит с энциклопедиями». Вырезки из газет хранились в огромных записных книжках. Путешествуя «а Черчилль не мало ездил за границу и вынуждал себя принимать много приглашений от людей своего круга внутри Англии», он возил с собой металлический ящик, примерно метр высотой, в котором хранились черновики и письменные принадлежности. По прибытии на новое место он прежде всего просил о письменном столе. Свидетель описывает, как Черчилль снял отдельное купе в поезде и всю дорогу сидел в нем с ручкой словно в кабинете.

В единственном художественном произведении Черчилля (по существу, его первой и единственной художественной книге) — «Саврола» — дан портрет героя, в котором нетрудно угадать автора. Мы видим кабинет, заполненный книгами Гиббона, Маколея, Платона, Сен-Симона. «Философия Шопенгауэра отделяло

Канта от Гегеля, а Гиббон, Маккалей, Дарвин и Библия сражались с ними за место на полках... Саврола, вооруженный печальной, циничной, эволюционной философией, старался смотреть на мир из отдаления... В чем может быть смысл? Вселенная в конечном счете умрет, и пепел растворится в холодной темноте отрицания... Несколько писем и телеграмм лежали не распечатанными на столе, но Саврола был утомлен, в конце концов они могут подождать до утра. Он опустился в кресло. Да, это был долгий день и день унылый. Он был молод — всего тридцать два года, но уже ощущал на себе печать трудов и забот. Его нервический темперамент не мог не быть возбужденным при виде сцен, прошедших перед его глазами за день, и подавления этих эмоций лишь распалало его внутренний огонь. Стоит ли это того? Борьба, работа, неостановимый бег дел, жертва столь многим, что делает жизнь легкой, приятной, — ради чего? Ради народного блага! Едва ли на это, он признавался себе, были направлены его усилия. Амбиция — вот главная сила, и он не мог устоять перед ней».

Как пишет английский психолог А. Стор, «амбиция является абсолютно “нормальной” чертой любого молодого человека, возвращенного в поощряющем конкуренцию климате западной цивилизации. Но амбиции Черчилля были, конечно, выше всякой нормы: и они сделали его непопулярным, когда он был молод». Чарльз Дилк однажды написал, что Росберн был самым амбициозным человеком из всех, кого он когда-либо видел, «до тех пор, пока не встретил Уинстона Черчилля».

В Савроле воплощены все качества, которыми Уинстон Черчилль восхищался: мужество, ум, широкая начитанность, ораторское искусство, внешность философа, рациональное восприятие мира «человеком, которому известны земные удовольствия». Саврола намерен, опираясь на массовую народную поддержку, свергнуть диктатора. Книгу почти губит ее лирическая сторона, в которой автор явно не силен и в определенной степени спасает картина военно-политической схватки, явно волнующая автора. Это книга интересна главным образом тем, что по ней мы можем восстановить внутренний портрет молодого Черчилля. Например, об искусстве красноречия: «Ораторские триумфы экспромтом существуют лишь в воображении слушателя: цветы риторики — тепличные домашние растения».

Черчилль получил за книгу свои сто фунтов (отдельное издание 1900 года), но, видимо, сам пришел к выводу, что художественная

проза — не его стезя, и никогда не повторял эксперимента. Он желал писать на уровне Стивенсона, меньшее его не устраивало.

* * *

Уинстон Черчилль никогда не учился в смешанной школе, и его знакомство с девушками было ограниченным. Возможно, он был осторожен, зная трагическую судьбу своего отца. Первая девушка, за которой он начал ухаживания, — Памела Плаулен, дочь британского резидента в Хайдарабаде, — вышла замуж за Эрла Литтона, и Черчиллю пришлось смириться с их свадьбой.

Неудачи на одном будили его энергию на другом. В 1900 году он опубликовал две книги, основанные на южноафриканском опыте, — «От Лондона до Ледисмита» и «Марш Иена Гамильтона».

Первая книга разошлась тиражом в тридцать тысяч экземпляров в течении четырех месяцев. Автора признали лучшим в среди военных корреспондентов, хвалили за «понимание течения войны» и счастливую способность донести свои впечатления до самого простого читателя, за неизменную занимательность, смелость суждениях. Успех необходимо развить — и следует лекционное турне по Британии, США и Канаде. Марк Твен предоставил Уинстона Черчилля американской публике (1901): «Я думаю, что Англия совершила грех, вступив в войну в Южной Африке, равно как и мы, начав подобную войну на Филиппинах. Мистер Черчилль по отцу англичанин; по матери он американец, такое сочетание, несомненно, должно произвести превосходного человека. Англия и Америка, мы — родственники. А теперь, когда мы стали еще родственниками по греху, большего уже нечего ожидать. Гармония превосходно — как и сам мистер Черчилль, которого я имею честь предоставить». По окончании лекционного турне опека над ним окончилась, он стал независимым человеком: «Я заработал деньги, — писал он матери, — потому что ты вложила в меня необходимые ум и энергию».

